

Сотникова Светлана Владимировна

АНДРОНОВСКИЕ (ФЕДОРОВСКИЕ) ПОГРЕБЕНИЯ С КРЕМАЦИЕЙ И ВЕРТИКАЛЬНО УСТАНОВЛЕННЫМИ ОБЪЕКТАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

В статье рассматриваются андроновские (федоровские) погребения, распространенные, в основном, на территории юга Западной Сибири, в которых обряд кремации сочетается с вертикально установленными объектами. Целью работы являются их характеристика и интерпретация. На основании индоиранских аналогий делается заключение, что коллективный характер подобных погребений может быть связан с захоронением воинов, погибших на чужбине. Прослеживается дальнейшее развитие этой традиции и проводится сопоставление с ритуальной практикой установки оленных камней.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. III. С. 189-194. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Суммируя сказанное, можно отметить, что анализ детской игры и переплетение ее сущности с карнавализацией и театрализацией представляют собой сферу единого и неделимого глубокого внутреннего эстетического мироощущения ребенка. Игра ребенка, театр, карнавал родственны друг другу, так как представляют собой особый синтетический вид деятельности, соединяющий в себе и слово, и образ, и музыку, и танец, а самое главное – свободу, составляя в целом пространство игрового эстетизма – экзистенциального проживания свободно моделируемого мира.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М.: Директ-Медиа, 2007. 608 с.
2. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). С. 7-516.
3. **Дмитриевский В. Н.** Театр и суд в пространстве тоталитарной системы. Системные исследования культуры. 2008 / под ред. Г. В. Иванченко, В. С. Жидков. СПб.: Алетейя, 2009.
4. **Додокина Н. В., Евдокимова Е. С.** Семейный театр в детском саду: совместная деятельность педагогов, родителей и детей. Для работы с детьми 3-7 лет [Электронный ресурс]. М.: Педагогика, 2010. URL: http://www.kodges.ru/static/read_87966_1_10.html (дата обращения: 09.07.2014).
5. **Евреин Н. Н.** Театр для себя // Евреин Н. Н. Демон театральности / сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. М. – СПб.: Летний сад, 2002. С. 115-406.
6. **Исупов К. Г.** Эстеты на Башне // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2006. С. 303-309.
7. **Лотман Ю. М.** Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля; сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
8. **Фадеева И. Е.** Искусство и текст: семиотика, эстетика, интерпретации (культурологический анализ): учеб. пособие. Сыктывкар: Коми пединститут, 2013. 175 с.

AESTHETICS OF CHILDHOOD: PERSONALITY OF CHILD IN PERSPECTIVE OF GAME AESTHESIS

Sopova Maiya Nikolaevna
Syktuykar State University
majyasopova@gmail.com

The article considers the world view of a child in the aspect of game, theater and carnival, which are closely intertwined in the space of the contemporary culture of childhood. Special attention is paid to the analysis of ‘theater for oneself’ by N. N. Evreinov as an existential condition that characterizes the nature of a man, and to the idea of carnivalization by M. M. Bakhtin as an integral part of modern theatrical world attitude creating game aesthesis. The author comes to the conclusion that the modification of a child’s own ‘I’ and the expansion of his/her existential experience are implemented in these elements.

Key words and phrases: aesthetics of childhood; game aesthesis; child’s game; theatricality; carnivalization.

УДК 902.6

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются андроновские (федоровские) погребения, распространенные, в основном, на территории юга Западной Сибири, в которых обряд кремации сочетается с вертикально установленными объектами. Целью работы являются их характеристика и интерпретация. На основании индоиранских аналогий делается заключение, что коллективный характер подобных погребений может быть связан с захоронением воинов, погибших на чужбине. Прослеживается дальнейшее развитие этой традиции и проводится сопоставление с ритуальной практикой установки оленных камней.

Ключевые слова и фразы: евразийские степи; Западная Сибирь; эпоха бронзы; андроновская культурно-историческая общность; федоровская культура; кремация; вертикально установленные объекты; оленные камни.

Сотникова Светлана Владимировна, к.и.н., доцент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева
svetlanasotnik@mail.ru

АНДРОНОВСКИЕ (ФЕДОРОВСКИЕ) ПОГРЕБЕНИЯ С КРЕМАЦИЕЙ И ВЕРТИКАЛЬНО УСТАНОВЛЕННЫМИ ОБЪЕКТАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ) ©

В эпоху бронзы обширные пространства евразийских степей от Южного Урала до Среднего Енисея занимало население андроновской культурно-исторической общности, в которую входили федоровская и

алакульская культура. Федоровские могильники широко представлены как в западных, так и в восточных районах распространения андроновского населения. В некоторых федоровских могильниках, прежде всего, восточных районов, имеются погребения, содержащие вертикально установленные объекты, чаще из дерева, реже из камня, не связанные функционально с конструкцией внутримогильного сооружения. Первая сводка подобных сооружений была сделана в статье С. А. Рахимова [18, с. 74]. В. В. Бобров в работе 1992 года вновь обратился к проблеме вертикально установленных объектов, таких как деревянные столбы и камни-obelisks, в погребениях эпохи бронзы юга Западной Сибири и Казахстана. Он рассматривает проявление этой традиции в памятниках андроновской, ирменской, бегазы-дандыбаевской культур и приходит к выводу, что андроновские и позднебронзовые деревянные столбы и камни-obelisks объединяет ряд общих признаков: вертикальная установка объекта, расположение около головы погребенного, связь с мужскими захоронениями. «Это позволяет утверждать существование между ними генетической преемственности, в основе которой лежит общая мировоззренческая идея. В семантическом контексте погребального сооружения вертикальные объекты могли олицетворять трехчленность мира и, возможно, выполняли коммуникативную функцию. Но, скорее всего, заложенная в них идея полисемантическая» [3, с. 56-57].

В работе Д. Г. Савинова и В. В. Боброва, вышедшей в 1995 году, сделана попытка выделить признаки, характерные для андроновских (федоровских) погребений Кузнецкой котловины, содержащих остатки кремации. Одним из таких признаков названо заполнение могильных ям материковым грунтом, в результате чего они выделяются как на уровне погребенной почвы, так и на уровне материка белым прямоугольным пятном (установлено, что лессовый и супесчаный грунт в перекопанном виде в течение нескольких дней приобретает беловатый цвет и пылевидную структуру). Впервые на это обратил внимание В. В. Бобров при раскопках андроновских могильников Титовского и Танай 1. Другим специфическим признаком является конструкция внутримогильной рамы из бревен. Принцип сооружения рам «в паз» связан только с погребениями по обряду кремации. Имеются отличия и в характере перекрытия. В могилах с кремацией перекрытие сплошное и однородное по размерам плаха, в могилах с труположением мощное перекрытие располагается над головой погребенного, а в ногах оно отсутствует или сделано из жердей и тонких досок [20, с. 88]. Остановимся на характеристике только одной категории андроновских (федоровских) погребений с кремацией, а именно той, которая содержала вертикально установленные столбы, и попытаемся дать интерпретацию этого ритуала на основании индоиранских аналогий.

Подобные погребения широко представлены в Кузнецкой котловине. В могильнике Ур в погребении кургана 8 при выборке пятна обнаружен деревянный столбик. Захоронение совершено в одновенцовом срубе с поперечным перекрытием, под настилом – скопление кальцинированных костей. В кургане 10 обнаружено два погребения по обряду кремации. В западной части погребений прослежены остатки поперечного перекрытия, у самого края одной из могил находился вертикальный столб высотой 1,2 м, вбитый в дно ямы и возвышавшийся на 10 см выше настила. На дне погребений – берестяные подстилки, на них – остатки кальцинированных костей. В кургане 11 также обнаружено две могилы с остатками кремации. В западной части могилы 1 «на поперечном бревнышке укреплены два столбика... высотой один 25 см, другой 32 см». После удаления настила между двумя вертикально установленными столбиками был найден горшок с небольшим количеством пепла и сожженных костей человека. В могиле 2 «в западной части на поперечном бревнышке укреплен столбик, сильно истлевший, высотой 20 см». Под настилом обнаружен сильно расколотый небольшой сосуд и остатки кальцинированных костей [10, с. 123-125]. В могильнике Юрман I в кургане 1 находились две могилы, в каждой – по два скопления кремированных костей, что свидетельствует о захоронении двух людей, и по два столба. В могиле из кургана 3 обнаружено одно скопление кальцинированных костей и, соответственно, один столб. Все столбы имели диаметр 15-20 см и опирались нижним концом на перекрытие камер. Верхняя часть столбов, судя по сохранившимся остаткам, выходила на уровень древней поверхности [20, с. 84-85]. В могильнике Танай I в погребении 1 из кургана 7, содержавшем остатки кремации, в юго-западной части под перекрытием вертикально располагался столб диаметром 0,06 м. В кургане 10 зафиксировано три погребения с кремацией и вертикально установленными столбами. В могиле 2 над перекрытием вертикально установлен столб длиной 1,02 м, диаметром 0,08 м, который возвышался над уровнем материка на 0,12 м. В могиле 3 ближе к юго-западной стенке зафиксированы два параллельно расположенных столба. Они вертикально уходили вглубь могилы до перекрытия, их верхние части были выше материка на 0,15-0,18 м. На дне могилы обнаружены два скопления кальцинированных костей, что позволило предполагать, что в ней захоронены останки двух человек. В могиле 4 ближе к центру зафиксированы остатки двух вертикальных столбов, которые уходили вглубь до перекрытия. Верхняя часть столбов возвышалась над материком на 0,18 м. В могиле находилось два скопления кальцинированных костей, что свидетельствует о захоронении двух человек по обряду кремации. В погребении кургана 2 могильника Титово, содержавшем остатки кремации, деревянная рама внутримогильного сооружения была перекрыта поперек восемью горбылями. От первого, расколотого вдоль бревна перекрытия, на поверхность выходил сук. Он возвышался, как столбик, над уровнем материка на 0,12 м в юго-западной части могилы по ее центральной оси [4, с. 12, 22-23, 25-26]. В Минусинской котловине в могильнике Ланин Лог подобные захоронения с кремацией обнаружены в двух погребениях из кургана 1. В юго-западном углу могилы 1 следы деревянного столба диаметром 6-8 см фиксировались на глубине от 20 до 40 см от погребенной почвы, нижняя часть доходила до перекрытия. В могиле 3 прослежены остатки вертикально установленного столбика диаметром 10-12 см, верхняя часть которого начиналась с глубины 40 см, а нижняя доходила до перекрытия сруба [18, с. 72, 74]. В могильнике Боровое (Северный Казахстан)

в погребении из ограды 8 у северо-западной стенки ямы на глубине 80 см от поверхности обнаружены два вертикально расположенных деревянных столбика, на дне у северо-восточной стенки – слой пережженных костей человека [17, с. 235]. В Южном Зауралье в могильнике Сухомесовский погребение из кургана 7 содержало захоронение по обряду кремации. При выборке могильного пятна «в одном месте, вероятно, в юго-западном углу могильной ямы, С. Н. Дурьлин отметил вертикальную волокнистость древесных остатков, что, возможно, указывает на наличие столбов» [2, с. 33]. Курган 7 могильника Урефты I (Южное Зауралье) содержал две могилы с кремированными останками. По мнению исследователей, это были два одновременных захоронения, сделанных в общем углублении. В могиле 1 у южной стенки обнаружены остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально [22, с. 159-161].

Намного реже столбовые конструкции встречаются в федоровских погребениях по способу ингумации. Такие погребения обнаружены, в основном, в Кузнецкой котловине (Титово, Васьково-5) и на Среднем Енисее (Каменка II, Орак, Усть-Ерба). Рассмотрим те из них, которые позволяют определить местонахождение столба по отношению к костяку и половозрастную принадлежность погребенного. Погребение из кургана 4 могильника Титово содержало захоронение мужчины в возрасте около 25 лет головой на Ю-З. У юго-западного края ямы, почти посередине, обнаружены остатки деревянного столба, уходящего вглубь до перекрытия, остатки верхней части находились на глубине 1,2 м (при общей глубине ямы 1,7 м). В могиле 4 кургана 6 этого же могильника на дне находился костяк мужчины в возрасте 50-60 лет головой на Ю-З. Возле юго-западной стенки по центральной оси ямы находились остатки столба диаметром 0,1 м, высотой 1,1 м. В кургане 1 могильника Васьково-5 обнаружено два подобных погребения. В могиле 1 захоронен мужчина головой на Ю-З. В юго-западной части могилы находился вертикальный столб диаметром 0,08 м и длиной 1,2 м. Могила 2 содержала два костяка – мужчины и женщины, оба головой на Ю-З. В юго-западной части ямы находились остатки деревянного столба, верхняя часть которого выше уровня материка на 0,11 м. Столб уходил вглубь могилы до деревянного перекрытия. Могила из кургана 2 содержала захоронение мужчины головой на Ю-З. По центру около юго-западной стенки сохранились остатки деревянного столба диаметром 0,12 м и длиной 0,8 м. Нижняя часть столба доходила до перекрытия [4, с. 13, 18, 27-29]. Таким образом, погребения с ингумацией позволяют предположить, что столбы устанавливались в головах умерших мужского пола в возрасте от 25 до 50-60 лет, т.е. это люди зрелого и старшего возраста.

На Среднем Енисее подобные погребения встречаются намного реже. Кроме того, они менее информативны и менее однородны по составу погребенных. В могильнике Орак столбы зафиксированы в двух погребениях с труположением, но нет сведений о расположении столба относительно костяка. Могила 5 содержала захоронение женщины в сопровождении украшений. Могила 8 захоронение мужчины 35-40 лет [11, с. 34-35]. В могильнике Каменка II столбы обнаружены во всех трех погребениях ограды 24. В могиле 1 в юго-западной части стоял вертикальный столб диаметром 8-10 см, сохранившийся на высоту 180 см, который несколько не доходил до перекрытия сруба. В ней была захоронена женщина 35-40 лет головой на Ю-З. В могиле 2 в юго-западной части зафиксирован столб диаметром 15-20 см, сохранившийся на высоту 180 см. На дне – скелет мужчины 30-35 лет головой на Ю-З. В могиле 3 в юго-западной части сохранились остатки столба диаметром 8-10 см, сохранившийся на высоту 180 см. В могиле захоронены женщина 20-25 лет головой на Ю-З и ребенок [14, с. 42]. Создается впечатление, что на Енисее столбы связаны как с захоронением мужчин, так и с захоронением женщин. Но существует и другое мнение. В. В. Бобров считает, что на Енисее погребения со столбами также связаны, в основном, с захоронением мужчин. Он отмечает, что «для среднеенисейских памятников этот факт устанавливается по орнаментации посуды, отражающей половой диморфизм» [3, с. 55].

В ходе сопоставления погребений по обряду кремации и ингумации, содержащих вертикально установленные столбы, обращает на себя внимание следующая особенность. Среди погребений с кремацией преобладают коллективные захоронения, а среди погребений с ингумацией – одиночные.

Для интерпретации этого обряда представляется возможным привлечь сведения из древнеиндийской «Питримедхасутры» Баудхяны, которые приводятся в работе Е. Е. Кузьминой [12, с. 140] и в рецензии С. В. Кулланды на английское издание этой книги [13, с. 204]. Если дважды рожденный (*к этой категории населения относилась и варна воинов-кишатриев – прим. автора – С. С.*) умирал на чужбине, то собирали 33 кости разных частей скелета, заворачивали их в шкуру черной козы и транспортировали на родину, где и совершали обряд кремации. Таким образом, зафиксированный в андроновских погребениях с вертикальными столбами обряд кремации может свидетельствовать о принадлежности этих захоронений воинам, погибшим на чужбине, отдельные кости которых были доставлены на родину для совершения ритуала кремации. Дополнительным подтверждением принадлежности подобных погребений воинам являются находки в кургане 7 могильника Урефты I, который содержал два одновременных захоронения с кремацией, сделанных в общем углублении. В каждой из могил найдено по бронзовому двулезвийному ножу, а в могиле 1 к тому же обнаружены у южной стенки остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально [22, с. 159-161].

Не исключен и другой вариант: андроновцы сжигали тело умершего воина на чужбине, а на родину доставлялись уже кремированные останки. Это положение может быть подтверждено характером находок кремированных костей в могильнике Юрман I. Так в могиле 1 кургана 1, где находился прах двух кремированных людей и два столба, «в момент раскопок трупосожжения представляли собой овальные в плане (размером 0,5 × 0,3 м) скопления мелких фрагментов кальцинированных костей, золы и угля, очевидно первоначально помещенные в специально сделанные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки». В могиле

из кургана 3 этого же памятника, обнаружено одно трупосожжение, помещенное между двумя деревянными плашками [20, с. 85]. В кургане 10 могильника Ур в обеих могилах кальцинированные кости располагались на берестяной подстилке. Возможно, деревянные плашки и берестяные подстилки представляли собой фрагменты емкости, в которой кремированные останки воина транспортировались для захоронения на родине. Кроме того, для транспортировки кремированных останков могли использоваться и сосуды, устанавливаемые в погребения. Это предположение подтверждается фактами обнаружения в некоторых сосудах остатков кремации. Так в могильнике Ур (могила 1 курган 11) между двумя вертикально установленными столбиками был найден горшок с небольшим количеством пепла и сожженных костей человека. Помещение кремированных останков в сосуд встречается и в тех федоровских могильниках, где вертикально установленные столбы не зафиксированы. Прежде всего, это памятники Центрального Казахстана. В ограде 3 могильника Шет I в одном из погребений кремированные кости были помещены в сосуд. В ограде 10 могильника Сангру II в грунтовой яме найдена нижняя часть сосуда, заполненная кальцинированными костями [8, с. 90, 109]. В могильнике Уйтас-Айдос (могила 4, ограда 2) в юго-западном углу погребальной камеры стоял сосуд, наполненный утрамбованными кремированными костями, а вдоль южной стенки располагалась антропоморфная выкладка из обожженных костей [23, с. 47]. В могильнике Бурлук I (Северный Казахстан) в ограде 9 под камнями в ямке найден развал сосуда с пережженными костями [7, с. 87].

Возможно, для этой же цели – транспортировки кремированных останков на родину – служили и глиняные блюда подпрямоугольной формы, нередко с выступами по углам. Они характерны для погребений с кремацией западных районов распространения андроновского (федоровского) населения. В погребении из кургана 6 могильника Сухомесовский (Южное Зауралье) в западной части могилы находилось глиняное блюдо с вертикальными выступами-ручками. В блюде в смеси с землей, заполнявшей могилу, найдено около 20 мелких кусочков горелых человеческих костей [2, с. 33].

В таком случае вполне объяснимым становится коллективный характер погребений с кремированными останками. Вероятно, в ходе военных походов или набегов нередко погибало сразу несколько воинов, поэтому при возвращении на родину устраивались коллективные похороны погибших.

Для интерпретации находок вертикальных деревянных столбов в андроновских (федоровских) погребениях с кремацией представляется возможным привлечь аналогии из культуры индоиранских народов, так как индоиранская принадлежность андроновского населения сейчас признается большинством исследователей. У ведийских ариев существовал ритуал *ваджатея*, включающий гонку на колесницах, во время которой жрец-брахман вращал по ходу солнца колесо, насаженное на вкопанный в землю шест. Другим значимым моментом этого ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп – *юпа*. Рукой он должен был коснуться навершия столба в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба» [1, с. 168; 5, с. 105]. В «Ригведе» имеется следующее описание жертвенных столбов (III, 8, 10): «Они выглядят, как рога рогатых (животных), / Столбы с навершиями, (стоящие) на земле. / Прислушиваясь к переключке жрецов, / Пусть помогут они нам в состязаниях!». Б. Л. Огибенин в комментарии к этому тексту отмечает, что на вершину жертвенного столпа насаживалась круглая капитель [16, с. 83]. Связь столба с ритуалом, включающим такой вид состязаний, как гонка на колесницах, позволяет предполагать, что жертвенный столб, с укрепленным на вершине колесом, когда-то служил для передачи образа символической колесницы, которая, соответственно, выполняла функции мировой оси и помогала просьбам жертвователей достичь Неба.

Возвращаясь к андроновской (федоровской) традиции можно предположить, что в погребениях на покрытие не просто устанавливался столб, но на его вершину во время отправления ритуала укреплялось колесо или его символ, и все сооружение воспринималась как символическая колесница, помогающая душе погибшего воина достичь Неба. Не исключено, что эта традиция восходит еще к обрядовой практике синташтинского и петровского населения (генетических предшественников андроновского), для которой было характерно помещение в могилы воинов частей реальной колесницы. По-видимому, со временем у андроновского населения образ колесницы в ритуале становится все более символичным. Постепенно он утрачивает сходство с первоначальным реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого, возможно, укреплялось колесо или его символ.

В. В. Бобров считает, что дальнейшее развитие андроновская традиция установки в погребения столбов получила в эпоху поздней бронзы в памятниках ирменской культуры, сформировавшейся при участии андроновского населения. В ирменских могильниках Кузнецкой котловины (Журавлево-IV, Танай-VII) представлена значительная серия камней-обелисков, которые имеют разную форму, но выделяются два устойчивых типа – прямоугольные плиты со скошенной вершиной и круглые в сечении с приостренной вершиной. Их устанавливали на покрытие возле той стенки, где была расположена голова умершего. Обнаружены они только в погребениях мужчин от 25 до 35 лет. По мнению В. В. Боброва, те из них, которые имеют вид круглых столбов, могут восходить еще к андроновским деревянным столбам [3, с. 55-57].

В свою очередь андроновские деревянные столбы и ирменские камни-обелиски обоих типов исследователи сопоставляют с оленными камнями [3, с. 57; 20, с. 88]. Д. Г. Савинов отмечает, что связь оленных камней с погребальным культом не вызывает сомнения, однако, форма их участия в ритуале могла быть различной. По условиям нахождения он делит оленные камни на две большие группы: 1) установленные на специальных «жертвенниках» около мест захоронений; 2) связанные непосредственно с погребениями. Первые, в основном, представлены оленными камнями I типа, вторые – оленными камнями II и III типов (по классификации Д. Г. Савинова). Генезис камней первой группы он возводит к окуневской традиции,

а генезис стел второй группы, связанных непосредственно с погребениями, – к андроновской. В частности он отмечает, что «глубинные истоки семантики оленных камней, найденных в погребениях (или установленных на площади курганов около погребений) следует искать (через андроновские прототипы) в индоиранской мифологии и культовой практике» [19, с. 143, 146, 150]. Функциональное назначение оленных камней, установленных на площади курганов, по мнению Д. Г. Савинова, заключалось в том, что «они олицетворяли собой вертикальную –ось» мира и были предназначены для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений» [Там же, с. 147].

Сходство оленных камней с андроновской традицией проявляется также в семантическом плане. Большинство исследователей признается, что на оленных камнях запечатлен образ мужчины-воина. Как отмечает М. П. Грязнов, «основной сюжет изображений на оленных камнях – фигура воина, вероятно, героя-воина, весьма условно, схематически показанная. На столбообразном камне, круглом, овальном или прямоугольном в сечении, совершенно отсутствуют детали человеческой фигуры. Обычно нет и намек на голову, плечи, шею, руки, ноги. Линиями, полосами, кружками намечены лишь части одежды и оружие... На месте лица – три или две косые черточки» [6, с. 76]. Д. Г. Савинов отмечает, что «оленные камни несомненно изображают человека, причем, судя по наклонным параллельным линиям на лицевой стороне, мертвого человека, т.е. существующего в «другом» измерении. Вполне вероятно, что в этом плане они могли ассоциироваться с самими покойными, представляя их ипостась после пересечения грани, разделяющей мир живых и мертвых. В то же время это не просто изображение человека, а сакрализованный образ...» [19, с. 147]. По мнению Ю. С. Худякова, оленные камни представляли собой изображения воинов-колесничих, а само их расположение рядами, в «шахматном порядке», соответствует расположению колесниц в боевом строю [24, с. 158-160].

Однако в отличие от андроновской традиции в культурах, связанных с установкой оленных камней, захоронения совершены по обряду ингумации. Но, вероятно, представление о смерти, как разрушении образа, и необходимости его восстановления в погребальном ритуале, сохранялось. Кремация не только уничтожала облик человека. Она отделяла бессмертную душу-дыхание от смертной телесной оболочки (души-тени). Вертикально установленные столбы в андроновских погребениях, по-видимому, были связаны с путешествием души-дыхания в верхний мир. Не менее важным считалось, вероятно, и сохранение телесного образа. Для этого андроновцы прибегали к антропоморфизации кремированных останков [21, с. 7-11], а создатели оленных камней – к антропоморфизации каменных стел. В то же время оленные камни как бы совмещали в себе две ипостаси умершего – антропоморфный облик, связанный с телесной оболочкой, и вертикальную ось, передающую движение бессмертной души в верхний мир. Особый акцент на вертикальную направленность ритуала в погребениях, связанных с захоронением воинов, может быть связан с представлениями о существовании особого небесного «рая» для воинов, погибших в бою, наподобие скандинавской Вальгаллы [15, с. 212].

Таким образом, андроновская традиция установки вертикальных деревянных (реже каменных) столбов в погребениях с кремацией, вероятно, была связана с захоронением воинов. Ирменские камни-обелиски и оленные камни свидетельствуют о том, что эта традиция оказалась довольно устойчивой, но со временем она приобрела другие формы выражения.

Список литературы

1. Альбедиль М. Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 155-170.
2. Андроновская культура. Памятники западных районов // Свод археологических источников. 1966. Вып. В 3-2.
3. Бобров В. В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 54-57.
4. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья / Рукопись депонирована ИНИОН. № 38518 от 26.06.1989. Кемерово, 1989. 199 с.
5. Васильков Я. В. Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: словарь. М.: Республика, 1996.
6. Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1984. Вып. 25. С. 76-82.
7. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
8. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетбак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
9. Киселев С. В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // Советская археология. 1935. № 4-5. С. 206-210.
10. Ковтун И. В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф. И. Александрова (к открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 122-133.
11. Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. Вып. 3. С. 32-73.
12. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
13. Кулланда С. В. Рец. на: Е. Е. Kuzmina. The Origin of the Indo-Iranians. Ed. by J. P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by Al. Lubotsky. Vol. 3. Leiden – Boston, 2007 // Вестник древней истории. 2010. № 3. С. 202-211.
14. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1978. 192 с.
15. Мелетинский Е. М. Вальгалла // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 1.
16. Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М.: Наука, 1968. 115 с.

17. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 216-294.
18. Рахимов С. А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1968. Вып. 114. С. 70-75.
19. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.
20. Савинов Д. Г., Бобров В. В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. 1995. № 4. С. 83-90.
21. Сотникова С. В. Андроновский (федоровский) погребальный обряд: реконструкция способов обращения с кремированными останками // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. № 2 (16). С. 7-15.
22. Стефанов В. И., Днепров С. А., Корочкова О. Н. Курганы могильника Урефты I // Советская археология. 1983. № 1. С. 155-166.
23. Усманова Э. Р., Варфоломеев В. В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы – М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 46-60.
24. Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136-162.

ANDRONOVO (FEDOROVO) BURIAL PLACES WITH CREMATION AND VERTICALLY PLACED OBJECTS (BY THE MATERIALS OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA)

Sotnikova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev
svetlanasotnik@mail.ru

The article considers Andronovo (Fedorovo) burial places widespread mainly within the territory of the South of Western Siberia, in which the rite of cremation is combined with vertically placed objects. The aim of the work is their characterization and interpretation. Basing on the Indo-Iranian analogies it is concluded that the collective nature of these burial places can be connected with the burial of soldiers died in foreign land. The further development of this tradition is traced and the comparison with the ritual practice of deer stones placing is conducted.

Key words and phrases: the Eurasian steppes; Western Siberia; Bronze Age; Andronovo cultural-historical community; Fedorovo culture; cremation; vertically placed objects; deer stones.

УДК 351.74

Исторические науки и археология

В статье исследуется процесс введения в структуру полиции Тобольской губернии нового элемента – уездной полицейской стражи. Обозначены принципы формирования ведомства, определены количественные характеристики, должностные компетенции служащих. Основные выводы базируются на архивных материалах, ранее не введенных в научный оборот, что позволяет автору делать максимально объективные выводы по разрабатываемым вопросам.

Ключевые слова и фразы: Тобольская губерния; полиция; реформа; уезды; полицейская стража.

Сунгуров Павел Александрович

Тюменский государственный нефтегазовый университет
Pavelsungurov@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАЖИ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1916-1917 ГГ.)©

В начале XX в. в Российской империи произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни. Стремительное развитие социально-экономического и политического потенциала общества неминуемо вносило коррективы в деятельность правоохранительных органов. В эти годы государственное чиновничество продолжало искать лучшие модели реформирования полиции России [8, с. 196]. Одним из элементов «латентного» реформирования силового ведомства станет организация новой структуры в составе МВД – уездной полицейской стражи.

В губерниях центральной России уездная полицейская стража была введена в самом начале XX в., а именно, 5 мая 1903 г. был принят Закон об учреждении в 46 губерниях России полицейской стражи, как говорилось, «для охраны благочиния, общего спокойствия и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции». Главной задачей стражи являлось пресечение различного рода происшествий местного значения, с тем чтобы не отвлекать основные силы полиции. Закон от 5 мая 1903 г. устанавливал, что уездная